

К.Г. СЕЙТАКОВА

К.Г. СЕЙТАКОВА
ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИММИГРАЦИОННОЙ И ИНТЕГРАЦИОННОЙ
ПОЛИТИКИ ФРАНЦИИ

High immigration rates, growing mobility of population, perturbations on the world labor map accompanied by globalization are the very urgent and complicated problems of nowadays not only for developed countries, but also for developing ones. France is the country, which has been facing this problem for more than one century. It has deep traditions in dealing with it. Our purpose is to try to make a short analytical review of what had happened in France from 1792 till the end of the XX century, to show the chain of legislative acts, integration policies, which has changed many times.

При нарастающей глобализации во всех сферах международной жизни, в частности, в разделении труда, мобилизации населения, проблема миграции является весьма актуальной для многих стран, как для развитых, так и для развивающихся. Следует подчеркнуть, что Казахстан занимает 2 место по приему мигрантов после России на пространстве СНГ [1]. Изучение данной проблематики в контексте ее развития на территории Франции, страны, которая издавна считается «традиционной страной убежища», представляется актуальным, своевременным и весьма полезным. В статье делается попытка рассмотреть данную проблему с традиционно-исторической точки зрения.

Во Франции после революции 1792 года и даже раньше складывались определенные чужеземные этнические общины, которые иммигрировали в традиционную «страну убежища» из Италии, Германии, Голландии, Англии, позже Португалии, Бельгии, Польши. В отношении этих этнических групп, несколько веков перекочевавших во Францию и уже почти ассимилированных с коренным населением, исследователи-миграционологи считают неуместным использование термина «иммигрант» или «иностранец». Так как они довольно успешно интегрировались в принимающее общество [2, 5]. Однако, во Франции по сей день ведутся научные дискуссии о том, кто является французом, а кто иностранцем. В средние века даже жители Оверни, Эльзаса считались такими же чужеземцами, как и немцы.

Понятие «иностранец» в современной трактовке во Франции появилось прежде чем понятие «иммигрант». Это произошло после Французской революции, когда подданные короля стали гражданами страны с одним лишь условием, что они также будут стремиться к свободе. Однако, если страна оказывалась в опасности, эти же иностранцы становились потенциальными врагами в глазах коренного населения и часто становились жертвами репрессий. И здесь прослеживается совсем иная картина, когда Франция из «страны беженцев» превращается в страну, в которой господствует национализм и ксенофобия. Эта двойственность в характере народа играет решающую роль. С одной стороны, Франция, которая согласно своим принципам отказывается делать различия между своими гражданами, явилась первой страной в Европе, признавшая равные права евреев в 1791 году. С другой стороны, в жизни часто случается так, когда французы относятся к иностранцу как к лицу, не принадлежащему их нации и несущему в себе потенциальную угрозу [3, 42].

Понадобилось около столетия для того, чтобы выявить и установить юридические механизмы, определяющие положение граждан страны. Как известно, Французская революция восстало вила гражданство по праву земли, которое из-за влияния Рима в поздние средние века решалось по праву крови, в то время как изначально во Франции гражданами страны считались те, кто был рожден на ее территории. Позже Гражданский кодекс Наполеона, элиминировав право земли, установил право крови, согласно которому, национальность определялась по линии отца. Женщины же принимали гражданство своего мужа. Эта норма была отменена всего лишь в 1927 году.

Согласно некоторым исследователям, понятие миграция, иммигрант появились чуть позже с развитием индустрии, инфраструктуры, когда массы могли позволить себе перемещаться в поисках лучшей доли. Это новое явление англо-саксоны назвали массовой миграцией [2, 16].

Во Франции со времен Первой Империи изначально, не торопясь, развивалась внутренняя миграция из сел в города. Сменилось несколько поколений, прежде чем жители Оверни и Лимузена стали истинными Парижанами [4, 63] В конце XIX века востребованными были профессии лесника, сельхоз работника, также специалисты по центральному отоплению, которые часто приезжали из Пармы и Пьемонта (Италия). Однако французы в отличие от других народов Европы больше всего ненавидели скитаться, оставляя свои земли, в поисках лучшей участи. В конце XIX века Франция считалась единственной страной иммигрантов, в то время как с других стран население в основном эмигрировало хотя бы в ту же самую Америку [5, 22].

Начиная с 1880-х гг. проблема иностранцев во Франции стала приобретать национальный характер. Третья Республика, которая стремилась укрепить единство своей страны, как раз столкнулась с этой проблемой. Именно в это время были зафиксированы первые стычки французов и иностранцев, работающих на их территории, самым значительным из которых можно назвать бойню в Эг-Морте. В 1893 году здесь произошла драка между сезонными наемными служащими французами и итальянцами, которые работали на солевых рудниках, в результате чего погибло 8 человек и ранено несколько десятков. Именно в это время во Франции формировалось понятие «национальность», росло чувство национальной идентичности у французов. 1882 году была учреждена Сенаторская комиссия, на которую возлагалась обязанность найти наиболее подходящий ответ на все вопросы о национальности. В 1889 году был принят первый закон о национальной принадлежности, согласно которому и право крови, и право земли были сохранены. В частности, право крови касалось тех лиц, которые были рождены от француза не на территории Франции. И наоборот, дети иностранцев, рожденные во Франции, становились французами при достижении совершеннолетия, если только они не изъявляют желание остаться при гражданстве своих родителей. Однако, дети иностранцев, рожденных во Франции или принявших гражданство Франции, были лишены выбора, что вызывало в те времена недовольство, особенно, со стороны итальянцев, которые после объединения своей страны желали оставаться при своем гражданстве.

Натурализация была возможна после 10 лет проживания в стране. Новые французы должны были прожить еще 10 лет, чтобы получить право быть избираемым. Женщины, которые выходили замуж за иностранца, теряли гражданство Франции.

Принцип ассимиляции во Франции, возникший после эмансипации евреев 1791 года и отмены рабства, юридически был оформлен в новом законе о гражданстве 1889 года. Этот принцип вытекал из принципа равенства. Однако в те времена не было как ни концептуальной модели ассимиляции, так и решительных шагов на пути к интеграции.

Во время I мировой войны во Франции опять началась охота на иностранцев, на которых смотрели как на предателей. Однако, среди иностранцев были такие, которые были готовы воевать под французским флагом. Евреи, иммигрировавшие из России, итальянцы, поляки торопились мобилизоваться, в том числе надеясь, получить гражданство. Экономика страны требовала еще больше рабочей силы. Были заключены соглашения с Испанией, Италией и Португалией о приеме сезонных рабочих. В 1915-1918гг. во Францию прибыло 440 000 рабочих, что составляло треть его населения. Несмотря на то, что были зафиксированы их места проживания, передвижения строго контролировались, тем не менее, они могли свободно перемещаться по стране.

В это же время Франция начала вербовать как для военных действий, так и для работы, жителей колоний. С той только разницей, что их доставляли в специальные военные помещения, затем распределяли по предприятиям, которые должны были предоставить им жилье, в большинстве случаев это были бараки. Рабочих расселяли в этих бараках вдали от всего, которые были вынуждены жить в военных условиях с их жесткой дисциплиной.

Метрополия во время войны была слишком озабочена тем, насколько выгоднее можно воспользоваться имперскими ресурсами. В отношении туземцев была придумана особая тактика поведения, отличающаяся от той, которую они придерживались в отношении европейских иммигрантов. «Черных» они считали менее пригодными к работе и, тем самым, отправляли на фронт. А «азиатов», называя небрежными, но ловкими, отправляли на заводы. Официальная политика по отношению к колониальным мигрантам была полностью лишена идеи ассимиляционизма. Их расселяли в особых районах, помещениях, приспособленных к их привычкам (даже были места для совершения молитвы), изолировав их от коренного населения. И это отделение, конечно же, не могло не усилить беспокойство и негативное отношение со стороны самих французов [6, 24].

Этот первый опыт был прерван в 1919 г. Практически все туземцы были репатриированы авторитарным путем. Во время войны во Францию из Алжира, Марокко, Туниса, западной и центральной Африки, Индокитая, Китая прибыло 700 тыс. человек, из них 480 тыс. воевали на фронте, остальные работали на заводах. Более 70 тыс. человек погибли на войне и от болезней. Однако, после первого опыта арабы и кабилы продолжали проникать на территорию Франции. Идеи свободы и справедливости, которые их притягивали, и их опыт проживания в метрополии, указывали им на то, что, оказывается, есть условия намного лучше, чем на родине [7, 25].

В послевоенные 20-е годы Франция все еще испытывала крайнюю нужду в рабочей силе. Война забрала 10% активного мужского населения. «Французская болезнь» (*mal français*— ма

лочисленность населения, особенно французов) превратилась в кошмар. Однако, в отличие от Италии и Польши, которые столкнулись с оттоком рабочей силы, кризис 1920-1921 гг. не так сильно отразился на экономике Франции.

Выжившие в войне люди старались эмигрировать не только по экономическим причинам, но и по политическим. Поиск убежища превратился в феномен. Люди бежали не столько от изнуренной страны, сколько от погромов, диктатуры, революций и других пертурбаций. Среди эмигрировавших в те времена были русские меньшевики, армяне, украинцы, балтийцы, греки, бежавшие от турков, евреи ашкенази, венгры и т.д. Международное законодательство предоставления права убежища постепенно оформлялось в официальные документы, но в начале эти документы касались лишь нескольких народов. К примеру, русских и армян, получавших паспорт Нансена [8, 33].

Если государство теоретически стремилось контролировать иммиграционные потоки, то практически все реализовывалось через разные организации, самым важным из которых являлось Генеральное общество иммиграции. Эта организация появилась на свет благодаря Комитету угольщиков и сельхозников Северо-востока страны. Она, главным образом, занималась рекрутом рабочей силы из Польши и Чехословакии. К примеру, поляки, численность которых в 1921 году насчитывала всего лишь 46 тысяч человек, в 1931 достигла до 500 тысяч человек. Поляки теперь занимали второе место по численности иностранцев во Франции после итальянцев.

Согласно результатам переписи населения, в 1931 году во Франции проживало 2,7 млн. иностранцев, что составляло 6,6% коренного населения (в 1911 г. - 3%), из них итальянцы – 808 000, поляки – 507 000, испанцы – 351 900, бельгийцы – 253 000, шведы (98 500), немцы (71 700), русские (71 900), чехи (47 400), британцы (47 400), турки (36 100), североафриканцы (102 000) [2, 31].

Финансовый кризис конца 20-х гг., который начался в США, отразился и на экономике Франции. Больше 1 миллиона человек остались без работы. Среди коренного населения усилилась ксенофобия. Депутат от крайних правых Луи Фурэ 23 марта 1933 года сказал следующие слова, которые являлись индикатором настроения всего французского народа: «Во Франции насчитывается 330 тысяч безработных и 1 млн. 200 тысяч рабочих иностранцев. Если их выпроводить, то проблема безработицы во Франции будет решена» [2, 39-40]. После этого был принят закон от 10 августа 1932 года о контингентировании иностранцев в национальной экономике. Аграрная сфера осталась незатронутой, там нехватка рабочей силы всегда была крайней. Этот спектр служил убежищем для уволенных иностранцев. Французы изгнали иностранцев из следующих секторов: строительство, металлургия, шахты. Их численность уменьшилась в 1931-1936 гг. на 37%. Те, кто остались жить в стране, пытались выжить по-своему. Некоторые свои дела открывали, другие работали по найму.

Хотя в 1934 году Правительство решило пойти на уступки, и отменили закон от 1932 года. Тем не менее, среди коренного населения среднего класса не слабели настроения против иностранцев. Даже если ксенофобия более не проявлялась в виде самосуда, как то было во времена Эг-Морта, теперь же французы прибегали к юридическим механизмам, и их ненависть больше проявлялась вербально, что никакой закон в те времена не ограничивал. К примеру, коммерсанты и ремесленники, которые протестовали против того, чтобы иностранцы свободно могли соо ружать, учреждать, основать свое ремесло, добились того, что иностранцев подчинили режиму карт, то есть им нужно было получить разрешение. Позже было введено ограничение на занятие адвокатской деятельностью новым французам в течение 10 лет после их натурализации. Был введен запрет на медицинскую, стоматологическую и хирургическую практику среди иностранцев, которые не оканчивали докторантуру во Франции. Таким образом, страна поставила печать на более или менее либеральной системе равных прав, которая превалировала до того дня.

В мае-июне 1936 года во Франции впервые прошли открытые манифестации против социального неравенства. Однако, правительство Даладье, не внимая антирасистским лозунгам, принимает 2 декрета, в первом из них (от мая 1938 г.) иммигрантов делят на две категории: морально, этически здоровая и трудовая часть иностранного населения; индивиды сомнительные с точки зрения морали и недостойные нашего гостеприимства. Для первой категории лиц были представлены определенные гарантии. «Нежеланных» же поставили под постоянное наблюдение, префектам дали право на их высылку. Второй декрет от ноября 1938 года был более репрессивным, в

нем было предусмотрено создание концентрационных лагерей, где власти размещали иностранцев, которых они не смогли вернуть на родину.

В предвоенные годы, как и в годы I мировой войны начались большие пертурбации в характере миграционных потоков. Отмечался спад в численности иностранного населения, так как большинство народов, даже далеко пустивших корни, бежали от войны, антисемитизма, интернирования (заключения в конц. лагеря). Так, летом 1940 г. на юге в лагерях было сконцентрировано 40 тысяч человек. Среди них были немцы, австрийцы, итальянцы и испанцы. В эти годы торжествовал лозунг «Франция французам!».

Однако, несмотря на это, многие иностранцы во время Сопротивления и Освобождения вместе с французами боролись против оккупантов. Хотя и на некоторое время, но все же тогда иностранцы были в чести. В 1931-1946 гг. общая численность иностранцев сократилось почти наполовину, но число натурализованных увеличилось на 136% [2, 53].

Золотая эра в истории иммиграции Франция наступает после Пмировой войны. Ее во французской историографии называют «славным тридцатилетием». Этот период исследователи делят на два этапа. На первом этапе (1945-1955) правительство Франции заложило юридические механизмы очередного импорта рабочей силы, пересматривало старые законы и законодательные акты, формировало общественное мнение.

«Франция, увы, нуждается в людях!». Генерал Шарль де Голль 2 марта 1944 года в своей программной речи, озвучив эту фразу, подчеркнул даже, сколько именно людей нужно для страны, чтобы поднять ее экономику. Не хватало 12 миллион человек. Де Голль настаивал на необходимости в будущем «разумного и последовательного импортирования» «хороших» иммигрантов в страну [2, 58]. Дебаты в те времена велись относительно вопроса, кого именно приглашать в страну. Некоторые утверждали, что необходимо импортировать больше миллиона иностранных рабочих. Однако, экономисты и демографы возражали им, настаивая на иммиграции переселенцев, которых должно было быть около 5 миллион человек. Второй вопрос, вызвавший не менее ожесточенные дебаты, касался этнической принадлежности иммигрантов. Было решено импортировать у Италии, а не у североевропейских стран, как изначально предполагалось.

Что касается «разумного и последовательного импортирования», правительство решило отказаться от селективной этнической политики, что больше подходило по духу ко времени Освобождения, когда люди хотели избавиться от воспоминаний «позорного» правления Петена. Определив рамки вполне разумной иммиграционной политики, генерал де Голль выпустил два ордонанса, которые позже были оформлены в Иммиграционный кодекс.

Ордонанс от 19 октября 1945 года пересмотрел положения предоставления гражданства, согласно которым отныне необходимо было прожить в стране в течение 5 лет для требования гражданства (за исключением тех, у которых было 3 детей, работавших на шахтах и тех, кто был задействован в армейских структурах). Все ссылки о лишении гражданства были опущены. Закон объявил о равенстве мужчин и женщин, состоявших в браке с гражданами Франции, которые становились также гражданами этой страны при простой декламации.

Ордонанс от 2 ноября того же года касался иностранцев, приехавших во Францию работать, согласно которому были даны новые гарантии их деятельности. Главным образом, было упразднено положение о необходимости наличия удостоверения личности иностранца, выдаваемое МВД, и удостоверение на право работы по найму, выдаваемое Министерством труда. То есть, раньше иммигранты были вынуждены проходить через двойную бюрократическую систему. Теперь же, были определены три категории рабочих согласно длительности их деятельности: временный (в течение 1 года), обыкновенный резидент (от 1 до 3 лет) и привилегированный резидент, которому на четвертом году проживания вручалась удостоверение на проживание в течение 10 лет, которое автоматически продлевалось, и которому предоставлялись одинаковые права как и коренному жителю. Последняя категория лиц была более желанна, чем первые две.

Тем не менее, некоторые дискриминационные меры все-таки остались. К примеру, иностранцам было запрещено брать на себя обязанности начальников профсоюзов. Ордонанс от 2 ноября не отменил ни закон о контингентировании от 1932 года, ни ограничения, наложенные на иностранцев в осуществлении ими адвокатской, медицинской и коммерческой деятельности. В связи с этим, деятельность иммигрантов должна была быть под строгим контролем. Эта обязанность была возложена на Национальный орган по иммиграции. (НОИ)

Начало второго этапа славного тридцатилетия иммиграции был ознаменован тем фактом, что более 100 тысяч рабочих получили документы от НОИ постфактум. Этот этап был также связан с войной в Алжире, с последующим нежеланием видеть алжирцев в качестве рабочих во Франции. Правительство начало изучать рынок рабочей силы в соседних странах и затем заключило соглашения с Испанией, Португалией, Югославией и Турцией. В 1963 году аналогичные соглашения были заключены с Тунисом и Марокко. В результате чего, в 1968 г. больше всего в страну въехало иберийцев – 607 тысяч испанцев. После иберийской волны, в страну хлынули португальцы, 1975 году их стало 759 тысяч человек, 22% от всего населения Франции [2, 16].

Иностранцы, как правило, работали на низкооплачиваемых должностях. В сельском хозяйстве больше всего были вовлечены марокканцы, французы и испанцы. В промышленности – марокканцы, португальцы и испанцы. В строительстве – португальцы, алжирцы. В торговле – французы. Тем временем, социальное положение иммигрантов оставляло желать лучшего. Возникла новая проблема – социальная. Профсоюзники, социологи начали бить тревогу. Они проводили опросы, публиковали статьи о бедственном положении иммигрантов. По телевидению были показаны видео португальских трущоб. Символом стал фильм Жана Люка Годара «Китаец», в котором были снимки Нантерских трущоб. В 1970 г. пожар в трущобе в Обервиле, где погибли 5 малийцев, превратился в грандиозный скандал. 42% проживающих в трущобах составляли североафриканцы, 20,6% - португальцы, 7,8% - сами французы, 5,5% - испанцы, 24% - другие иммигранты [9, 45].

Эти обстоятельства вынудили Французское правительство принять некоторые меры, улучшающие условия жизни иностранцев. В частности, в 1964 году было принято решение снести трущобы. Их заменили на «транзитные поселки» с минимумом комфорта. Чтобы в корне решить социальную проблему мигрантов, правительство решило взять под строгий контроль миграционные потоки. С 1968 года было запрещено постфактум выдавать иностранцам документы, то есть нельзя было легализовать нелегально въехавших в страну иммигрантов.

60-е годы положили конец тому факту, что Франция являлась единственной страной-реципиентом в Европе. Отныне и другие европейские страны стали принимать иностранных рабочих. В 1973 году, во Франции насчитывалось 3 млн. иммигрантов, в ФРГ – 2,8 млн., в Великобритании – 1,6 млн. [2, 62].

После нефтяного кризиса Франция столкнулась со свирепствующей безработицей. В 1975 году в стране насчитывалось 750 000 безработных. Президент страны Валерии Жискар д'Эстен восстановил Секретариат по делам иммигрантов, символически посетил трущобы в Марселе. Принимая во внимание старое уравнение «больше иммигрантов = больше безработных», 3 июля 1974 года было принято решение полностью запретить въезд мигрантов в страну. Однако, это не помешало мигрантам въезжать в страну нелегально. Согласно данным Французского офиса по защите прав беженцев и апатридов (OFPRA), если в 1974 году в страну въехало более 207 тысяч человек, то в 1976 году эта цифра достигла 103 тысяч. Поскольку трудовая миграция была запрещена, численность иностранцев в стране пополнялась беженцами, или требующими этого статуса. В 1975-1980 гг. 110 тысяч человек получили статус беженца во Франции. В то же самое время работодатели продолжали нанимать иностранцев нелегально.

После того как меры правительства по добровольному возвращению иммигрантов за определенную плату (планировалось вернуть на родину 1 млн. человек за 10 тысяч франков) провалились, было решено насильно вывозить нелегальных за границу (по 500 тысяч человек за 4 года) [10, 78]. 10 января 1980 году согласно закону «Барр-Бонне» к высылке подлежали мелкие преступники и временно проживающие иностранцы. С приходом нового президента вышел новый закон от 29 октября 1981 года (la loi Bonnet), который отменил положения предыдущего закона, увеличил список лиц, не подлежащих высылке. Также было разрешено легализовать нелегально проживающих мигрантов (132 000 человек).

С ростом безработицы среди коренного населения усилились дискриминационные и расистские настроения. Отныне стычки происходили не на местах работы, а в местах проживания. В 1980 году в г. Витри был убит 15 летний парень охранником одного здания. В 1982 году был убит 10 летний мальчик.

Недовольства, акции протеста участились и среди иммигрантов. Условия их проживания по-прежнему оставляли желать лучшего. Хотя в какой-то степени было улучшение. В начале 80-х гг. после того как снесли трущобы, власти начали дружно переселять, расселять трудовых мигрантов в специально построенных социальных скромных жилищах (HLM), в $\frac{3}{4}$ их которых имелись санитарные узлы, в половине были установлены телефоны. Однако многие иммигранты были расселены в старых кварталах, которые уже не подлежали эксплуатации, где раньше проживали

французы, которых затем переселили в отдельно построенные новые дома. Таким образом, посреди городов образовались гетто-образные жилые дома, даже кварталы, где группами проживали представители одной этнической группы, такие как Бельзунс в Марселе или Ля Гут д'Ор в Париже [11, 103].

В декабре 1983 года прошел «марш Арабов» (*marche des Beurs*), организованный молодыми магрибинцами квартала Мэнгет города Лион совместно с представителями церкви. Они требовали положить конец непонятному, шаткому положению иммигрантов, предоставив им вид на постоянное (или хотя бы продолжительное) жительство в стране. Власти пошли на встречу. 25 мая 1984 года принимается единогласное решение разрешить предоставить вид на жительство на 10 лет после 3-летнего легального пребывания.

«Необходимо препятствовать иммиграции для того, чтобы гарантировать полноценную интеграцию иммигрантов, уже присутствующих во Франции». Эта фраза, высказанная Государственным секретарем по делам иммигрантов Жоржиной Дюфуа, выражала, по сути, философию иммиграционной политики всех правительств с 1983 года. Новая волна ограничительной политики осуществлялась согласно т.н. законам «Паска-Дебрэ» (*les lois Pasqua-Debre*), которые состоят из трех законов от 1986, 1993 и 1997 годов. В данных законодательных актах была расписана процедура ускоренной и форсированной высылки нелегальных иммигрантов, новые положения предоставления вида на жительство и гражданства. В частности, была восстановлена программа по оказанию содействия возвращению иностранцев на свою родину и их реадaptации к собственной среде. Иностранцам, которые не являются выходцами из региона ЕЭС, нужно было обязательно иметь визу. Министр внутренних дел Шарль Паска уделил больше внимания и энергии. Так, чартером на родину были отправлены 101 малийцев.

Не менее острым был вопрос о беженцах, которые подали заявки на получения убежища во Франции. В то время как другие европейские страны принимали ничтожное количество беженцев, во Франции все больше и больше увеличивалась численность подающих заявки людей. Тем более что, после того как официальная иммиграция была запрещена, для желающих попасть во Францию не было иного способа, кроме как через институт беженства. Больше всего заявок было подано в 1989 году (60 000).

В середине 80-х с созданием «Шенгенской зоны» перед Французским правительством стал новый вопрос об открытии границ для свободного передвижения по всей Европе. Французские власти до конца 90-х отказывались приводить в действие и все время отсрочивали исполнение заключенных ранее Шенгенских соглашений, аргументируя это тем, что положения данных соглашений о надежности внешних границ не достаточны для обеспечения безопасности страны. Рестриктивные меры, однако, имели некоторый успех. В середине 90-х гг. обозначился определенный спад в миграционных потоках. Хотя общественное мнение отнюдь не успокоилось. Проблема иммиграции, оказавшаяся тупиковой и безвыходной, превратилась в своего рода «козла отпущения» в политических играх разных государственных деятелей, которые использовали данную проблему как козырь в своих предвыборных программах, и которая нередко приносила им успех. По мнению французских исследователей, увеличение же числа нелегалов являлось ничем иным, как следствие ограничительной политики, которая отменила легализацию, ужесточила правила предоставления вида на жительство. Выражая свое недовольство, нелегалы с 1996 года присоединяются ко всяким движениям, некоторые из которых группируются вокруг церквей. В августе 1996 года стражи порядка насильно выгоняют нелегалов из церкви Святого Бер нара, которую они оккупировали. Это событие имело большой резонанс в прессе. Однако, это не помешало принять еще один рестриктивный закон (*la loi Debre*), согласно которому разрешалось отныне отнимать паспорта у тех, кто находится в стране нелегально, также вводить в базу данных отпечатки пальцев иностранцев, которые требовали вид на жительство.

Годом позже (11 мая 1998 года) принимается другой закон (*la loi Chevenement*), который не отменяя основные положения предыдущих законов Паска-Дебрэ, ввел некоторые смягчающие положения. К примеру, была облегчена процедура воссоединения семей, увеличен список категорий для тех, кто желал получить вид на жительство. Был разрешен въезд студентам, ученым, артистам и т.д.

К концу XX века ситуация вокруг иммиграция во Франции немного стабилизировалась. Миграционные потоки замедляют ход, число возвращений на родину увеличивается, рост офранцуживания означает, что численность иностранцев в стране уменьшается, в то время как удел

получивших гражданство Франции иммигрантов остается стабильным (36% иммигрантов являются французами). Состав населения все еще находится на стадии эволюции, что объясняется приливом рабочей силы из дальнего зарубежья (выходцы из азиатских стран составляют 35% иммигрантов). Больше 60% иммигрантов проживают в регионах Иль-де-Франс, Прованс-Альп-Кот-д-Азур, Рон-Альп. В Париже живут около 40% всех иностранцев. Около 65% иммигрантов работают в сервисной сфере, 20% - в индустрии, 13% - в строительстве, машиностроении. Необходимо подчеркнуть, что численность высококвалифицированных специалистов среди иммигрантов второго поколения уверенно растет, особенно в сферах образования, здравоохранения, информатики [2, 99].

Однако до сих пор в научных кругах Франции не стихают споры о том, как эффективнее проводить интеграцию иммигрантов, как регулировать миграционные потоки в стране. Даже такие вопросы, как «что такое быть французом», «какова разница между двумя понятиями «nationalité» и «citoyenneté» и многие другие дилеммы все еще борздят умы современных исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/business/newsid_7621000/7621932.stm
 2. Blanc-Chaleard M.-C., Histoire de l'immigration. Paris, La decouverte, 110 с.
 3. Wahnich S., L'impossible citoyen. L'etranger dans le discours de la Revolution francaise, Albin Michel, 1997, 128 с.
 4. Ethnology francaise, numero special: "Les migrations provincials a Paris", X, 1980, 335 с.
 5. Charle C., La crise des societes imperials. Allemagne, France, Grande-Bretagne 1900-1940, Le Seuil, 2001, 256 с.
 6. Schor R., Histoire de l'immigration en France de la fin du XIX siecle à nos jours, Armand Colin, 1996, 345 с.
 7. Kaspi A. et Mares A. Le Paris des etrangers depuis un siecle, Imprimerie Nationale, 1989, 277 с.
 8. Noiriel G., La tyrannie du national. Histoire du droit d'asile en Europe, Calmann-Levy, 1991, 121 с.
 9. Granotier B., Les travailleurs immigres en France, Maspero, 1970, 198 с.
 10. Weil P., La France et ses etrangers, Calmann-Levy, 1991, 203 с.
 11. Dubet F. et Lapeyronnie D., Les quartiers d'exil, Seuil, 1992, 98 с.
- Поступила в редакцию 28.09.2010.